

ПРОБЛЕМА ПРИОРИТЕТА В ВОПРОСЕ О ВОЗНИКНОВЕНИИ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ*

Куприянов Виктор Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник.
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 5Б;
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Статья посвящена проблеме приоритета в изобретении важного средства современной научной коммуникации – научного журнала. Автор анализирует историографию вопроса в работах английских и французских историков науки. В первой части статьи дается критический анализ аргументации обеих сторон этой дискуссии и показывается их проблематичность. Во второй части автор развивает подход, который может послужить базой для разрешения этого спора. В этой связи демонстрируется, что основанием для разрешения указанного спора является правильное определение той социальной потребности, которая послужила катализатором поиска новых средств научной коммуникации и привела к созданию и последующему расцвету научных журналов. Указывается, что в силу общности социально-экономических процессов этот социальный запрос оказался универсальным для всей европейской науки раннего Нового времени. В этой связи делается вывод, что первые научные журналы (*Philosophical transactions* и *Journal des sçavans*) возникали в атмосфере борьбы и конкуренции за лидерство в изобретении новых форм научной коммуникации. Заключается, что генезис современной научной статьи как формы коммуникации нельзя понимать линейно. Ранние журналы были средством, создающим новый смысл научной коммуникации, который раскрывается через кантовское различие частного и публичного применения разума.

Ключевые слова: научные журналы, научная коммуникация, *Journal des sçavans*, *Philosophical transactions*, наука раннего Нового времени, историография истории науки

THE PROBLEM OF PRIORITY IN THE INVENTION OF SCIENTIFIC JOURNALS

Victor A. Kupriyanov – PhD in Philosophy, Researcher.
Saint-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of sciences.

The article is devoted to the discussion on priority in the invention of scientific journal. In the first part of the article, the author makes a critical analysis of the arguments in the discussion, explicating some contradictions. In the second part, he develops his own approach claiming that the solution lies in the correct definition of the social demand which has impulsed the search for new tools of scientific communication. The author argues that,

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20–011–42014 «Петровская Академия наук в трудах российских историков (исследование и подготовка публикации)».

5B Universitetskaya Emb.
Saint Petersburg 199034,
Russian Federation;
e-mail: nonignarus-artis@
mail.ru

because of the universality of the socio-economic processes, this demand was common for the early Modern European sciences in general. The author shows that the first scientific journals (*Philosophical Transactions*, *Journal des sçavans*) have appeared in the atmosphere of competition for the invention of new forms of scientific communication. He argues that Kantian distinction of the public and private application of reason seems to be helpful for better understanding of this process.

Keywords: scientific journals, scientific communication, *Journal des sçavans*, *Philosophical transactions*, early modern science, historiography of the history of science

Введение

Современная наука характеризуется наличием развитой коммуникационной инфраструктуры. Статья в журнале считается сегодня главной единицей информационного обмена (в особенности если речь идет о т.н. STEM – science, technology, engineering and mathematics) [Прайс, 1976]. Именно статья в журнале рассматривается сегодня в качестве первичной формы научной коммуникации, на основе которой информация затем отфильтровывается в специальных реферативных изданиях, из которых попадает в учебники и далее в энциклопедии и справочники, формирующие свод общепризнанного знания [Пружинин, 2017, с. 40–41]. Если статус монографий как вторичных источников информации вполне может быть оспорен, то вторичность реферативных журналов и справочников, а также разного рода библиографических баз данных очевидна – это периферия научной коммуникации, и издания этого типа – не более чем своего рода агрегаторы информации.

Но что было у истоков этой системы? Какими были научные журналы в период своего зарождения и своего раннего развития? Каков генезис статьи как формы научной коммуникации? В чем специфика научной коммуникации в эпоху раннего Нового времени? Каков был характер коммуникативных практик, сопровождавших зарождение современной науки? Ответы на эти вопросы, имеющие большое значение для понимания становления и специфики современной научной коммуникации, требуют большого и кропотливого исторического исследования, которого на современном этапе развития историографии истории науки нет. В данной статье мы претендуем на то, чтобы лишь приблизиться к ответу на эти вопросы. Непосредственным предметом нашего исследования, рассмотрение которого послужит вкладом в решение указанных выше проблем, является обсуждение вопроса о приоритете в изобретении научного журнала. Иначе говоря, какой журнал нужно признать первым? Этот, казалось бы, простой вопрос требует разрешения ряда трудностей: во-первых, в ответ на какую социальную потребность возникли

первые журналы и, во-вторых, каков был общий стандарт ранней журнальной коммуникации в науке, то есть какова была наиболее распространенная форма журнальной публикации, которая определяла облик ранних научных журналов, и что же, таким образом, чаще всего понималось под понятием «научный журнал» в тот период.

Историографическая ситуация: спор английских и французских историков

В современной англо-американской науковедческой и историко-научной литературе практически общепринятой является точка зрения, что первым научным журналом нужно считать английское издание *Philosophical transactions* («Философские записки»)¹. Этой точки зрения придерживается наиболее авторитетный англоязычный автор, писавший об истории ранней научной-технической периодики, Д. Кроник. Д. Кроник указывает, что французский *Journal des sçavans*² («Журнал ученых»), который французские историки считают родоначальником научной периодики, был общим литературным журналом, в то время как «*Philosophical transactions*» имели целью распространение научных знаний (scientific knowledge) [Kronick, 1990]. То есть предполагается, что *Journal des sçavans* был именно литературным, а не научным изданием. Если согласиться с мнением более современных авторов о том, что *Philosophical transactions* задали стандарт журналов такого рода (что, как мы считаем, верно лишь отчасти), то можно прийти к выводу о том, что этот журнал – родоначальник современной научно-технической периодики. Того же мнения и той же аргументации придерживается М.Б. Холл (ее аргументация: ненаучное содержание французского журнала и его ориентация на обзоры книг)³.

Однако вряд ли можно обнаружить кого-то из французских историков, кто согласился бы с этой оценкой. Французы, пожалуй, никогда не были готовы отдавать кому-либо пальму первенства в изобретении этого важного инструмента современной науки. Еще Франсуа-Дени Камюза (François-Denis Camusat), первый автор, писавший в начале XVIII в. об истории журналов, гордо заявлял, что журналы зародились во Франции [Camusat, 1734, p. 1]. Эту же мысль поддерживал Вольтер, описывая революционные достижения науки века Людовика XIV [Voltaire, 1874, p. 427]. Ту же мысль повторяет и анонимный

¹ См. публикации, посвященные 350-летию «Философских записок»: [Garner, 2015; Partridge, 2015].

² Здесь и далее название журнала приводится в орфографии XVII в.

³ См.: [Hall, 1965].

автор статьи в «Энциклопедии» [Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, p. 896]. С ними были, пожалуй, всегда согласны и редакторы французского *Journal des sçavans*, которому все указанные источники, собственно, и отдают первенство. Так, в редакторском объявлении (avertissement) номера от 1 января 1724 г., появившегося после семимесячного перерыва, редакторы указывают, что «все Журналы <...> являются особой честью нашей нации, поскольку все они в какой-то степени произошли из Франции. Именно в Париже родился первый Журнал и в дальнейшем послужил образцом для всех других, а также для всех мемуаров академий Европы. Значит, наш Журнал – отец всех журналов» (Le Journal des Sçavans. 1724. Avertissment). В будущем на страницах *Journal des sçavans* эта мысль неоднократно повторялась⁴. Рассуждения французских авторов XVIII в. резюмировал Э. Атен, автор фундаментальной «Истории политической и литературной прессы во Франции», рассматривая английские *Philosophical transactions* как имитацию его французского прототипа⁵. Точно такого же мнения придерживается и современная французская историография. Главный современный французский специалист по истории ранней прессы, Ж.-П. Виттю, представляет *Journal des sçavans* в качестве центрального органа европейской республики ученых⁶. Пожалуй, во всех публикациях проф. Виттю и его коллег главной мыслью можно считать тезис о первенстве французского издания, по отношению к которому все остальные подобные журналы были лишь имитациями⁷.

Впрочем, и в английской историографии не всегда присутствовало единодушие относительно первенства *Philosophical transactions*. Точку зрения о приоритете французского журнала поддерживают такие авторитетные авторы, как Э.Н. Андраде⁸, Х. Браун⁹ и М. Орнстайн¹⁰. В российской же истории науки мысль о первенстве «Journal des sçavans» высказывает Ю.Х. Копелевич [Копелевич, 1974, с. 32]. В чем суть этих расхождений? Чего здесь больше: национальной гордости или же рациональной аргументации? Нам представляется, что за этим спором скрывается определенная проблема, решение которой требует ответа на целый ряд других, более фундаментальных вопросов. Как мы считаем, оба издания возникают почти одновременно в конкуренции друг с другом из единого социального источника в качестве ответа на одну и ту же социальную потребность

⁴ См., например, предисловие к номерам за 1791 г.

⁵ См.: [Hatin, 1859, p. 152].

⁶ См. об этом след. работы французского историка: [Vittu, 2002a; 2002b].

⁷ См. об этом: [Vittu, 2005; 2013; Peiffer, 2008].

⁸ См.: [Andrade, 1965].

⁹ См.: [Brown, 1967; 1972].

¹⁰ См.: [Ornstein, 1928].

ученых и на начальном этапе строятся по одной и той же модели. Проблема приоритета возникает, во-первых, в силу возникших достаточно быстро специфических особенностей, обусловленных теми разными организационными контекстами, в которых издавались оба журнала, а во-вторых, в силу тех исторических трансформаций, которые научная периодика претерпела в ходе своей дальнейшей истории. Немалую роль играют здесь также и подходы к определению термина «наука» в Англии и в континентальной Европе.

Социальный базис зарождения научных журналов во второй половине XVII в.

Итак, в чем же ключ к решению рассматриваемой проблемы? Решением является, на наш взгляд, правильное определение того социального запроса, в ответ на который возникают первые журналы. Этот, казалось бы, очень общий вопрос имеет достаточно простой ответ, о котором нам сообщают сами организаторы первых журналов. Нужно только лишь внимательно прочитать, что они пишут.

Оба журнала (*Philosophical transactions* и *Journal des sçavans*) появились в 1665 г. с интервалом примерно в два месяца. Французский журнал был датирован 5 января 1665 г., а английский – 6 марта того же года. Однако процессы, обусловившие их возникновение, длились примерно с начала XVII в. На наш взгляд, они носят универсальный характер для всей западноевропейской культуры того времени и возникновение специализированного ученого журнала было лишь вопросом времени. Если бы это не произошло во Франции, то неизбежно случилось в Англии или Италии. Более того, эти процессы сопровождалась конкуренцией основных игроков. Организатором *Journal des sçavans* был советник парижского парламента Дени де Салло (1626–1669). В августе 1664 г. он получил привилегию на издание журнала. Однако он был, конечно, не первый, кто предпринял такого рода усилия. Историкам научной прессы известен проект привилегии на издание «Всеобщего литературного журнала», выданной королевскому историографу Ф.Э. де Мезере (1610–1683). Со времен О. де Сент-Бёва она датируется 1663 г. В ней можно найти конкретизацию общего проекта этого журнала и его целей. Во-первых, отмечается, что в задачи де Мезере как составителя «Истории» входит собирать новые открытия и знания, которые происходят в науках и искусствах. Из-за того, что собирать их в толстую книгу нельзя без того, чтобы «не произвести раздражающую путаницу и смущающую неприятную смесь», а также из-за того, что намерение автора – послужить публике и предоставить ей разговоры «как полезные, так и приятные», ему разрешается собирать «эти вещи» отдельно и «каждую неделю предоставлять о них рассказ». Просителю

привилегии разрешалось заводить переписку с людьми из других стран и собирать сведения о новых знаниях и открытиях во всех областях наук и искусств, которые охватывали все, что мы сегодня относим к естествознанию, математике, технике, медицине, сельскому хозяйству, гуманитарным и социальным наукам, то есть к *знанию в широком смысле этого слова*. Как верно отмечает Х. Браун, в этом проекте можно видеть ренессансного гуманиста [Brown, 1972, p. 367–368]. Также помимо сбора новостей во всех этих областях и составления о них отчета (*faire des recueils*) ему разрешалось собирать «тем же способом заголовки всех книг, которые печатаются во всех частях Европы»¹¹.

Намерения издателя *Journal des sçavans*, в том виде, в каком они высказаны в обращении к читателю первого номера 1665 г., в сущности, совпадают с теми, которые мы видим у де Мезере. Эта цель – информирование публики о новинках в сфере наук и искусств, а также создание текущего архива науки, что, как можно видеть, совпадает с современным пониманием роли научных журналов. И опять же журнал ориентируется на широкое понимание науки как знания. «Замысел этого журнала, – указывает Д. де Салло, – знакомить с тем, что происходит в республике ученых» (*Le Journal des Sçavans. 1665. L'Impremeur au Lecteur*). В журнале планировалось публиковать обзоры книг, «о чем в них говорится и кому они могут быть полезны», похвальные слова по случаю смерти какого-либо известного ученого (например, в последнем номере за 1666 г. была опубликована похвала в честь П. Ферма, а всего за период с 1665 по 1701 г. в журнале вышло около пятидесяти таких публикаций [Sergescu, 1936]), также планировалось публиковать новости об экспериментах в физике и химии и вообще обо всех открытиях в науках и искусствах (“*dans les arts et dans les sciences*”), решения церковных и светских судов. Де Салло также предлагает всем желающим отправлять мемуары «с наблюдениями, заслуживающими, чтобы о них сообщили публике».

То есть здесь, как и в проекте де Мезере, речь идет о том, что издание должно давать сведения о новостях из мира науки и искусств. Служить своего рода посредником среди ученых. Понятно также, что роль архива знания здесь также имплицитно предполагается, хотя и не высказывается явно. При этом сразу можно говорить о том, какие типы публикаций предполагалось печатать на страницах журнала. Их всего три: выдержки из книг, мемуары (заметки, содержащие некоторые достойные всеобщего внимания наблюдения) и, конечно, новости в собственном смысле этого слова (сообщения об открытиях, изобретениях и интересных вещах (*curiositates*)). Основное содержание журнала в конце XVII в. и даже в первой половине XIX в. составляли именно выдержки (по-французски

¹¹ Текст привилегии см. в: [Cocheris, 1860, p. II–III].

“extraits”). Согласно подсчетам, сделанным Ж.-П. Виттю, за период с 1665 по 1714 г. выдержки составляли следующую часть от общего объема журнала (в количестве знаков): 1665–1669 гг. – 1 173 325 от 1 617 890 общего количества знаков, в 1682–1686 – 1 832 900 от 2 768 802, в 1697–1701 – 3 885 947 от 4 784 358 и в 1710–1714 – 6 378 066 от 6 934 923 [Vittu, 2002b, p. 351]. Мы не нашли сведений о каких-либо аналогичных подсчетах для более позднего периода истории журнала, однако простого просмотра выпусков достаточно, чтобы заключить, что именно выдержки оставались преобладающим элементом в содержании журнала. Составляли эти выдержки сами редактора журнала, что и позволяло их называть журналистами. О принципах работы этих журналистов можно найти сведения на страницах самого журнала. Главной ценностью считалась беспристрастность и независимость суждения, нарушение которой постоянно было предметом критики со стороны журнала¹².

После начала издания *Journal des sçavans* в Европе появляются сначала десятки, а затем и сотни подобных изданий. Как отмечает Ж.-П. Виттю, до конца XVII в. появилось около 1900 научных журналов, что позволяет назвать век Просвещения не только веком академий, но и веком журналов. История их распространения показывает движение от первоначальных центров (Париж, Рим, Лондон, Лейпциг) на север и восток¹³. Общей особенностью этих журналов было то, что они в основном состояли из выдержек и мемуаров по тому типу, который мы обнаруживаем на примере *Journal des sçavans*¹⁴. Для этого достаточно просмотреть наиболее крупные издания этого жанра конца XVII – первой половины XVIII в., которые выходили в континентальной Европе: итальянский «Журнал ученых» (*Giornale de'letterati*), немецкие «Записки ученых» (*Acta eruditorum*), нидерландский журнал «Новости республики ученых» (*Nouvelles de la république des lettres*), издававшийся иезуитами «Журнал Треву» (*Journal de Trévoux*), первый журнал на голландском языке «Европейская библиотека» (*De Boekzaal van Europe*), «Энциклопедический журнал» (*Journal encyclopédique*) и многие другие. Все эти журналы в основном посвящены обзорам книг и мемуарам, выходящим в трудах научных обществ, а также диссертациям. Их тип наиболее близок современным реферативным журналам, с тем отличием, что если в начале XVIII в. они были ведущей формой журнальной коммуникации в науке, то сегодня все же второстепенны. Для ранней журнальной коммуникации был этот аспект настолько важен, что П. Бейль для своего журнала «Новости республики

¹² См.: [Cocheris, 1860, p. XXXVI].

¹³ См.: [Vittu, 2005; Vittu, 2013; Peiffer, 2008].

¹⁴ См. в данном контексте важные замечания Д. Кроника о типе публикаций в первых журналах: [Kronick, 1962, p. 153, 155, 176].

ученых» выбрал в качестве девиза фразу из «Искусства поэзии» Горация: *Non fum(um) ex fulgore, sed ex fumo, dare lucem cogitat*, что переводится как «Он не из пламени дым, а из дыма светлую ясность хочет извлечь»¹⁵. Фразу эту можно понимать как указание на то, что журнал стремится извлечь самое ценное из моря книг и прочих форм коммуникации. Стоит отметить и то, каким образом П. Бейль мотивирует издание своего журнала: «Обнаружилось, – пишет он в обращении к читателю, – так удобно и приятно осведомлять публику с помощью журнала о том, что происходит интересного в республике ученых, как только месье де Салло, советник парижского парламента, выпустил первые наброски своего проекта в начале 1665 г. Многие народы засвидетельствовали ему свою радость, переводя журнал ученых <...> или же публикуя что-то подобное. Это соперничество увеличивалось с тех времен; таким образом, что оно распространилось не только от нации к нации, но и от науки к науке» (*Nouvelles de la republique des lettres. Amsterdam. Preface. Chez Henri Desnordes. 1684*). Схожего типа был и другой важный журнал конца XVII в. – лейпцигские «Записки ученых», издававшиеся с 1682 г. Отто Менке при сотрудничестве, в частности, Г.В.Ф. Лейбница. Журнал важен в контексте истории становления математического анализа, поскольку важные математические мемуары братьев Бернулли и Лейбница публиковались именно на его страницах. Основное же его содержание – выдержки из книг и других журналов и обстоятельные обзоры новостей науки и научной литературы.

Тот факт, что основной функцией ранних журналов было информирование о событиях в мире науке и, главное, составление критических обзоров книг, нашел отражение в определениях, которые давались французскими авторами в первой половине XVIII в. Приведем их полностью. Так, упомянутый выше Ф.-Д. Камюза дает такое определение: «Журнал – периодическое издание, [выходящее] регулярно в определенное время, объявляет о новых книгах или вновь переизданных, дает идею того, о чем в них идет речь, служит для того, чтобы сохранять открытия, которые происходят в науках» [*Camusat, 1734, p. 5–6*]. Эта мысль повторяется и в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера: «Журнал – это периодическое издание, которое содержит выдержки из новых книг с деталями открытий, которые происходят каждый день в науках и искусствах» [*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, p. 896*]. Автор статьи отдельно подчеркивает, что суть журнала – давать обзоры новых книг, поэтому издания академий наук и научных обществ не являются журналами, а только лишь коллекциями трудов членов этих обществ и академий. Таким образом, грань в данном случае проводилась между академическими изданиями, журналами, посвященными

¹⁵ Пер. М. Гаспарова.

новостям науки и искусств, а также, что немаловажно, между газетами и информационными листками салонного и общественно-политического типа, к каковым во Франции относился, например, «Галантный меркурий»¹⁶.

То, что ранние журналы были в основном реферативными сборниками, отражает реальность научной коммуникации того времени, а именно тот факт, что основным средством коммуникации оставались книги. Поэтому совершенно неверно думать, что при возникновении журналы сразу вытеснили книги и заменили их на новую форму публикации – письмо редактору [Прайс, 1976]. Наоборот, они служили средством упрощения коммуникации, центром которой была книга. Из этого совершенно нетрудно понять, что журналы как средство научной коммуникации возникали и развивались в первую очередь как удобное средство агрегации сведений, публикуемых в книгах. То есть потребность, которая лежит в основе развития этого коммуникативного инструмента, – *необходимость в упрощении и ускорении коммуникации в условиях быстро растущих потоков информации*. Об этом говорят, с одной стороны, подсчеты, показывающие хотя и медленный, но все же значительный рост производства книжной продукции в Европе за период с конца XVI в.¹⁷, так и указания редакторов первых журналов на необходимость создания удобного средства информирования читателя. То есть заявленные цели первых журналов, в частности *Journal des sçavans*, проистекают именно из этой причины. Иначе издания этого типа никогда не приобрели бы такой популярности. Процесс поиска такого нового информационного ресурса продолжался на протяжении всей первой половины XVII в. Можно в этой связи вспомнить Теофраста Ренодо, основателя первой французской газеты, и его bureau d'adresse, то есть адресного бюро, целью которого был сбор информации о научных новинках того времени. Этот и другие факты говорят в пользу того, что в европейской культуре того времени активно шел поиск быстрой и удобной формы коммуникации, что не зависело только лишь от намерений и желаний конкретных людей. Именно в ходе этого процесса выкристаллизовались указанные функции журналов – оповещать о новых событиях в мире науки и формировать архив научных знаний.

В этом контексте ситуация, которая была в Англии в то время, мало чем отличалась от общеевропейской, и, как мы полагаем, журнал, организованный Г. Ольденбургом, не сильно отличался от своих континентальных аналогов. Более того, мотивы организации *Philosophical transactions* были сходны с теми, которые мы наблюдали в случае с французским журналом. О схожих процессах поиска новых

¹⁶ См.: [Фейель, 2003].

¹⁷ Статистику о росте книжной продукции для этого периода см.: [Kronick, 1962, p. 59–60].

удобных средств коммуникации, которые имели место на Британских островах, говорит, в частности, документ, относимый исследователями к 1663 г. и, видимо, представленный Р. Гуком для обсуждения членам Королевского общества. В нем указывается, что знания и открытия, добытые членами Королевского общества, разбросаны по разным местам (“dispersed here and there”)¹⁸, что они забываются или могут быть утрачены. Поэтому ради тех, кому они сообщаются, и, главное, ради блага человечества, которое есть главная цель членов Королевского общества, необходимо создать репозиторий для сохранения знаний. Этот репозиторий называется по-английски “a Paper of advertisements”, листок объявлений. Его планировалось выпускать раз в неделю, или реже, для сообщения о текущих научных занятиях¹⁹. Хотя это издание должно было бы быть ориентированным на членов Королевского общества, предполагалось, что оно будет открыто для всех заинтересованных. То есть речь идет о выпуске периодического издания, выполняющего те же самые функции, которые заявлены в аналогичном проекте де Мезере.

Сходная мотивация, причем независимо от того движения, которое было в то время во Франции, так или иначе прослеживается и в деятельности Г. Ольденбурга как организатора *Philosophical transactions*, что опять же говорит об универсальности процесса зарождения научной журналистики в тот период. Во «Введении» к первому номеру журнала Ольденбург указывает, что коммуникация посредством прессы является наиболее подходящей для продвижения философских вопросов (т.е. естествознания); «наиболее верный путь» приводит людей к тому, чтобы знать, что время от времени «делают в этом Королевстве и в мире, а также знать о прогрессе в учении, трудах, о попытках любознательных и ученых людей об их открытиях и работах» (*Philosophical transactions*. 1665. № 1. P. 1–2). То есть речь идет о том, чтобы осведомлять ученых о происходящем в мире науки. Хотя это по-другому сформулировано, ясно, что эта цель идентична той, которая заявлена в предисловии к *Journal des sçavans*, которое мы рассматривали выше: знакомить с тем, что происходит в республике ученых (мире науки). Редактор *Journal des sçavans* (Д. де Салло) и воспринимал проект Ольденбурга в качестве попытки, которая аналогична его собственной. В номере *Journal des sçavans* от 30 марта 1665 г. можно найти заметку о выходе *Philosophical transactions*. В этой заметке редактор отмечает, что идея выпускать журнал о событиях в мире ученых распространилась в разных странах; в Англии, отмечает редактор, также начали издавать журнал для того, чтобы оповещать мир о том, что нового происходит в мире науки.

¹⁸ Цит. по: [Weld, 1848, p. 148].

¹⁹ См.: [Weld, 1848, p. 149].

И действительно, схожесть двух первых журналов нельзя не заметить. Оба журнала публиковали отчеты и заметки о новых открытиях и исследованиях, часто в форме писем или в форме сообщений редактора. Кроме этого, большое значение имели выдержки из новейшей литературы по естествознанию, технике и математике, а также просто новости о текущих событиях в мире науки. Все эти формы журнальных публикаций есть в обоих журналах, что указывает на то, что они принадлежали одному и тому же «жанру» изданий – информационных периодических сборников, поиск наиболее оптимальной формы которых и определил почти одновременное зарождение научных журналов в разных странах Европы того времени. Отличие *Philosophical transactions* можно усмотреть в том, что они публиковали меньше выдержек из книг и ориентировались на то, что сегодня относится к т.н. STEM (естествознание, техника, инженерия и математика), поэтому достаточно рано они приобрели вид, похожий на современный и в целом кажущийся нам ближе современным формам журнальной коммуникации.

Заключение

Решение вопроса о приоритете в изобретении научного журнала лежит, на наш взгляд, в плоскости правильного определения их источника. Возникновение научных журналов – общеевропейское движение, вызванное одним комплексом причин: увеличением количества научной информации и недостаточностью традиционных средств коммуникации. Формально *Journal des sçavans* нужно признать первым изданием, призванным решить данную проблему, однако и *Philosophical transactions* не следует считать имитацией французского образца, как это делают французские авторы. Наоборот, по своей форме он более близок к современности, чем *Journal des sçavans*. Эти журналы возникли скорее в конкуренции и борьбе²⁰, поэтому говорить об имитации и копировании оснований нет. Конкуренция, в которой создавались журналы, и указывает нам на единство социальных механизмов, определивших возникновение научных журналов в разных странах. В конечном счете они представляют собой региональные вариации единой публикационной формы, т.е. спецификации единой структуры, возникшие почти одновременно в двух различающихся социально-экономических контекстах.

²⁰ См., к примеру, отзыв Шаплена о лондонских «Философских записках» после приостановки издания «Журнала ученых» [Cocheris, 1860, p. XI].

В заключение отметим, что происхождение статьи как формы научной коммуникации нельзя понимать линейно – от письма к редактору к современной статье [Прайс, 1976]. Ранние журналы наполнены обзорами книг и краткими заметками о текущих событиях, которые часто и были письмами редактору. Но более близкие к современным формы публикаций можно обнаружить на страницах трудов академий и обществ, которые мы выше упоминали. Именно они во многом предвосхитили характер современной научной статьи и по форме наиболее к ней близки. *В целом же представляется, что современная форма научной статьи может быть в большей степени синтезом целого ряда жанров научной публикации раннего Нового времени, таких как призовое эссе, мемуар в изданиях академий, краткое письмо о проделанном эксперименте или выполненных вычислениях.* Журналы как минимум до середины XVIII в. оставались вторичной формой научного общения, будучи ближе к обычной общественно-политической и развлекательной прессе, из которой они генетически возникли. Но как и, главное, почему журналы стали столь значимым средством научной коммуникации, остается все-таки еще открытой темой для историко-научных исследований.

Исследование форм научной коммуникации в исторической перспективе показывает, что ранние научные журналы были средством, создающим своего рода новый смысл научной коммуникации. Для понимания того, чем была коммуникация, главным средством которой стали журналы, нет ничего лучше, на наш взгляд, чем рассмотреть ее сквозь призму известного кантовского определения публичного применения разума²¹. Журналы и служат таким инструментом публичного применения разума, т.е. средством коммуникации перед «всею читающей публикой», а вернее сказать, перед абстрактным читателем, или читателем вообще. Личная переписка не может обеспечить столь абстрактного реципиента научной информации, она всегда привязана к каким-то определенным лицам и в этом смысле ограничена. Именно научные журналы позволили создать такого обобщенного читателя и выстроить коммуникацию как общение рациональных субъектов вообще. Ни книги, ни диссертации, ни переписка не позволяли создать такого «пространства» коммуникации, в котором общение понимается как взаимодействие равных и свободных индивидуумов, объединенных общей рациональностью. Такое абстрактное сообщество рациональных акторов стали называть публикой²². Так следует понимать тот идеал республики ученых, о которых редакторы журналов регулярно напоминали²³. Именно в этом и стоит, видимо, искать то исторически новое, что журналы привнесли в научную коммуникацию.

²¹ См. об этом: [Куприянов, 2020].

²² См.: [Хельшер, 2014].

²³ См.: [Daston, 1991].

References/Список литературы

Душина, 2019 – Dushina, S.A. & Kupriyanov, V.A., Hvatova T.Y. *Uchenye v setyah «otkrytoj nauki»* [Scientists in the Nets of “Open Science”]. Saint-Petersburg: Politekhnik servís, 2019, 200 pp. (In Russian)

Копелевич, 1974 – Kopelevich, Y.H. *Vozniknovenie nauchnykh akademiy* [The Origins of the Modern Academies]. Leningrad: Nauka Publ., 1974, 266 pp. (In Russian)

Куприянов, 2020 – Kupriyanov, V.A. “Pervye nauchnye zhurnaly i ideya publichnosti razuma v nauke novogo vremeni” [The First Scientific Journals And The Idea Of Public Reason In The Modern Science], *Dialog so vremenem*, 2020, no. 70, pp. 41–56. (In Russian)

Прайс, 1976 – Prajs, D.J. de Solla. “tendencii v razvitii nauchnoj kommunikacii – proshloe, nastoyashchee, budushchee” [Communication in Science: The Eds – Philosophy and Forecast], in: Mirskii, E.M. & Sadovskii, V.N. (eds.) *Kommunikaciya v sovremennoj nauke* [Communication in Modern Science]. Moscow: Progress Publ., 1976, pp. 93–108. (In Russian)

Пружинин и др., 2017 – Pruzhinin, B.I., Antonovskii, A.Y., Voronina, N.N. et.al. “Kommunikacii v nauke: epistemologicheskie, sociokul’turnye, infrastruktturnye aspekty. Materialy kruglogo stola” [Communication in Science: Epistemological, Socio-Cultural and Institutional Aspects], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 11, pp. 23–53. (In Russian)

Хельшер, 2014 – Holscher, L. “Publichnost’ / glasnost’ / publichnaya sfera / obshchestvennost’” [Publicity / Freedom of Speech / Public Sphere / Public], in: *Slovar’ osnovnykh istoricheskikh ponyatij: Izbrannye stat’i v 2-h t. T. 1* [The Dictionary of the essential historical concepts: selected entries in 2 vol. Vol. 1], trans. from Germ. by K. Levinson, Yu. Zareckij, K. Levinson, I. Shirle, Y. Arnautov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 297–388. (In Russian)

Fejel’, ZH. “Gazety” [Newspapers], in: Ferrone, V. & Rosha, D. (eds.) *Mir prosveshcheniya. Istoricheskij slovar’* [The World of Enlightenment. The Historical Dictionary]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2003, pp. 326–334. (In Russian)

Andrande, 1965 – Andrade, E. N. da C. “The Birth and Early Days of the Philosophical Transactions”, *Notes and Records of the Royal Society of London*, 1965, vol. 20, no. 1, pp. 9–27.

Brown, 1967 – Brown, H. *Scientific Organizations in Seventeenth Century France 1620–1680*. New York: Russell & Russell, 1967. XXII, 306 pp.

Brown, 1972 – Brown, H. “History and the Learned Journal”, in *Journal of the History of Ideas*, 1972, vol. 33, no. 33, pp. 365–378.

Camusat, 1734 – Camusat, F.D. *Histoire critique des Journaux* Vol. 1. Amsterdam: Chez J.F. BERNARD, 1734. 323 pp.

Cocheris, 1860 – Cocheris, H. “Histoire du Journal des Savants”, in: *Table méthodique et analytique des articles du «Journal des savants» depuis sa réorganisation en 1816 jusqu’en 1858 inclusivement précédée d’une notice historique sur ce journal depuis sa fondation jusqu’ a nos jours*. Paris: Durand, Libraire-editeur, 1860, pp. I–LXIII.

Daston, 1991 – Daston, L. “The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment”, *Science in Context*, 1991, vol. 4, no. 2, pp. 367–386.

Journal – “Journal”, in: *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Vol. VIII. [<https://artflsrv03.uchicago.edu/philologic4/encyclopedia/1117/navigate/8/3664/>, accessed on 29.05.2020].

Garner, 2015 – Garner, D. “Celebrating 350 years of Philosophical Transactions: Physical Sciences Papers”, *Phil. Trans. R. Soc. A*.37320140472. [<http://doi.org/10.1098/rsta.2014.0472>, accessed on 29.05.2020].

Hall, 1965 – Hall, M.B. “Oldenburg and the Art of Scientific Communication”, *The British Journal for the History of Science*, 1965, vol. 2, no. 4, pp. 277–290.

Hatin, 1859 – Hatın, E. *Histoire politique et littéraire de la presse en France. Avec une introduction historique sur les origines du journal et la bibliographie générale des journaux depuis leur origine. Vol. 2.* Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1859, 479 pp.

Kronick, 1962 – Kronick, D. A. *A History of Scientific and Technical Periodicals: The Origins and Development of the Scientific and Technological Press 1665–1790.* New York: The Scarecrow Press, 1962, 274 pp.

Kronick, 1990 – Kronick, D.A. “Notes on the Printing History of the Early «Philosophical Transactions»”, *Libraries & Culture*, 1990, vol. 25, no. 2, pp. 243–268.

Kronick, 2001 – Kronick, D.A. “The Commerce of Letters: Networks and «Invisible Colleges» in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe”, *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*, 2001, vol. 71, no. 1, pp. 28–45.

Ornstein, 1928 – Ornstein, M. *The Role of the Scientific Societies in the Seventeenth Century.* Chicago: The University of Chicago, 1928, 308 pp.

Partridge, 2015 – Partridge, L. “Celebrating 350 Years of *Philosophical Transactions: Life Sciences Papers*”, *Phil. Trans. R. Soc. B*. 370. [<http://doi.org/10.1098/rstb.2014.0380>, accessed on 29.05.2020].

Peiffer, 2008 – Peiffer, J. & Vittu, J.-P. “Les journaux savants, formes de la communication et agents de la construction des savoirs (17e – 18e siècles)”, *Dix-huitième siècle*, 2008, vol. 40, no. 1, pp. 281–300.

Sergescu, 1936 – Sergescu, P. “Les Mathématiques dans le Journal des Savants: Première période 1666–1701”, *Osiris*, 1936, no. 1, pp. 568–583.

Vittu, 2005 – Vittu, J.-P. “Du Journal des savants aux Mémoires pour l’histoire des sciences et des beaux-arts: l’esquisse d’un système européen des périodiques savants”, *Dixseptième siècle*, 2005/3, no. 228, pp. 527–545.

Vittu, 2013 – Vittu, J.-P. “Un système européen d’échanges scientifiques au XVIIIe siècle: les journaux savants”, *Le Temps des médias*, 2013, no. 20, pp. 47–63.

Vittu, 2002a – Vittu, J.-P. “La formation d’une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Premier article: d’une entreprise privée à une semi-institution”, *Journal des savants*, 2002, no. 1, pp. 179–203.

Vittu, 2002b – Vittu, J.-P. “La formation d’une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Second article. L’instrument central de la République des Lettres”, *Journal des savants*, 2002, no. 2, pp. 349–377.

Voltaire, 1874 – Voltaire, F.-M. Arouet. *Le Siècle de Louis XIV suivi de la liste raisonnée des personnages célèbres de son temps. Nouvelle édition annotée d’après les lettres, mémoires, document et act officiel du XVII et du XVIII siècle et les principaux histoires étrangers ou français par Charles Louandre.* Paris: Charpentier et Co, 1874, 669 pp.

Weld, 1848 – Weld, C.R. *A History of the Royal Society, with Memoirs of the Presidents, Compiled from Authentic Documents.* London: John W. Parker, West strand, 1848. In 2 vols. Vol. 1. 527 pp.